

RU

Символизм vs экспрессионизм (на примере стихотворения Д. Б. Хетагурова «Арвæнгæс» («Похожее на небо»))

Хетагурова Д. К.

Аннотация. Цель работы - определение путей репрезентации эстетики символизма и экспрессионизма в рамках одного поэтического текста Д. Б. Хетагурова. Научная новизна заключается в углубленном анализе межлитературных связей в осетинской лирике начала XX века, впервые в истории осетинского литературоведения прослеживается влияние идей экспрессионизма на творчество Д. Б. Хетагурова и определяется специфика проявления модернистского мировоззрения на национальной почве. В результате исследования выявлена основная мысль о трагическом расколе между вечной природой и смертным человеком, где символизм представлен в образном воплощении водной стихии, а экспрессионизм - во внутреннем мире лирического героя.

EN

Symbolism vs Expressionism (by the Example of D. B. Khetagurov's Poem «Арвæнгæс» (“Skylike”))

Khetagurova D. K.

Abstract. The aim of the work is to determine the ways of representing the aesthetics of symbolism and expressionism within the framework of one poetic text by D. B. Khetagurov. The scientific novelty lies in an in-depth analysis of interliterary ties in the Ossetian lyrics of the early XX century, for the first time in the history of the Ossetian literary criticism, the influence of expressionism ideas on D. B. Khetagurov's creative work is traced and the specifics of the modernist worldview manifestation on ethnic grounds are determined. As a result of the study, the main idea of the tragic split between eternal nature and a mortal man has been revealed, where symbolism is presented in the figurative embodiment of the water element and expressionism - in a lyrical hero's inner world.

Введение

Актуальность научной работы заключается, с одной стороны, в определении механизмов конвергенции русского, зарубежного и осетинского искусства; с другой – в выявлении различных герменевтических пластов в анализе осетинской поэзии начала XX века, что углубляет осмысление литературного процесса данного периода.

Для достижения цели исследования ставятся следующие задачи:

- 1) выявление элементов поэтики символизма и экспрессионизма в анализируемом произведении;
- 2) обоснование необходимости сосуществования эстетики символизма и экспрессионизма в пределах одного стихотворения;
- 3) интерпретация структурной композиции текста в его эксплицитной и имплицитной семантике.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы исследования: сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, метод целостного анализа художественного произведения.

Теоретической базой явились работы, посвященные изучению символизма (Колобаева, 2017; Бальмонт, 2018; Эпштейн, 1990) и экспрессионизма (Пестова, 2010; Терехина, 2009; Топоров, 1990; Балль, 2001).

Практическая значимость результатов исследования заключается в научно-методологической и прикладной сфере, где они могут использоваться для написания глав учебников и лекционных курсов по истории осетинской литературы XX века для филологических факультетов РСО-А.

Основная часть

Главенствующим направлением в осетинской литературе начала XX века был реализм. Однако влияние модернизма, который господствовал в этот период в русском и европейском искусстве, ощущалось и в осетинской культуре. Идеи символизма прослеживаются в творчестве таких ярких национальных поэтов и писателей, как А. И. Токаев (1893-1920), Д. А. Гатуев (1892-1938); экспрессионистические мотивы наблюдаются в лирике Д. Б. Хетагурова (1882-1964).

Давид Борисович Хетагуров начал творческую деятельность до революции 1917 года. В последующем выпустил два сборника произведений, писал басни, работал в крупном литературном журнале «Мах дуг» («Наша эпоха»). Поэзия Хетагурова отличается глубоким лиризмом и богатой метафоричностью языка.

Предметом нашего анализа является стихотворение Д. Хетагурова (1961) «Арвæнгæс» («Похожее на небо»), написанное в 1915 году, где концептосфера текста функционирует в рамках модернистского миромоделирования.

Первые три строфы посвящены описанию моря с его переменной сущностью, воспеваются его мощь:

Арвæнгæс денджыз, фæллад риуæй, хуртæ 'мæ
мæйтæ уал калы,
Айдæнау алæгъз йæ ирддæсгом диссагæн ныр
Алы хуызæттæй дæлдон дуртæ ракасынц иумæты
малы,
Мадзура денджыз фæлмац у ныргæккæ, æмыр.

Уалынджы дымгæ куы радума, дугътæ куы уадза
цъæх мигъæй,
Хурыцæст батар уыдзæни, фæфæлдахдзæн фурд.
Арф-арфид денджыз та тарбынай къултæ
фæтондзæн кæрдихæй,
Уромæг нал уыдзæн уылæнтæн: бæстæ – лæбурд!

Урс-бæх æфсæдтæй, дæлдонай гæппытæ кæнд-
зысты уæлæмæ,
Размæ, фæд-фæдыл, тындздысты, кæрæдзи
цæстмæ.
Доны чызджытæ æууæрддысты урс нымæт
цæнгтæй гæзæмæ,
Хъæр æмæ ахстимæ тулдзысты уылæн рæстмæ!..
(с. 39).

На небо похожее море усталой грудью разливает
солнца и луны,
А теперь на удивление его просветленное лицо
разгладилось, как зеркало.
Разнообразные камни выглядывают из глубины,
Молчаливое море сейчас утомленное, беззвучное.

Между тем ветер когда задует, когда устроит
скачки из синих туч,
Солнца глаз затемнится, море поменяет свой вид.
Глубокое-преглубокое море из темных глубин
стены разорвет кусками,
Нет успокоения теперь волнам: мир – это схватка.

Белоконными армиями из глубины будут прыгать
наверх,
Вперед, след в след будут стремиться друг другу
на глаза.
Русалки начнут разминать скудный белый войлок
руками,
С криком и шумом будут катить волну к верной
цели!.. (здесь и далее все цитаты на осетинском
языке приводятся в подстрочном переводе автора
статьи. – Д. Х.).

Море Д. Хетагурова – это вечная сила, преображающая все вокруг, первооснова бытия – эта же концепция прослеживается в эстетике символизма. Как пишет известный философ и литературовед М. Н. Эпштейн (1990), «для поэзии начала XX века основным элементом восприятия в изображении природы выступает не пейзаж, а стихия» (с. 141), с которой сравнивает свои душевные всполохи поэт-модернист. Именно творческой личности подвластна суть природных сил, по словам К. Д. Бальмонта (2018), одного из основателей русского символизма: «...есть чародеи, которые магическою своею волей и напевным словом расширяют и обогащают круг существования. Природа дает лишь зачатки бытия... чародеи своим словом и магическими своими действиями совершенствуют Природу и дают жизни красивый лик» (с. 59). Только поэтическая воля способна преобразовать существующие знания и уподобиться «природным стихиям – в “мировом причастии” к ним» (Колобаева, 2017, с. 68):

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Море
И пышный цвет долин.
Я заключил миры в едином взоре,
Я властелин (Бальмонт, 2010, с. 315);
Я спросил у могучего Моря,
В чем великий завет бытия.
Мне ответило звучное Море:
Будь всегда полнозвучным, как я! (Бальмонт, 2010, с. 344).

Автор в тексте символистов стоит над миром, воплощая его проявления в себе: «Небо – моя высота, / Море – моя глубина» (Сологуб, 2004, с. 221). В стихотворении Д. Хетагурова, с одной стороны, есть восхищение переливами и изменчивостью морской поверхности, с которой он как бы интуитивно сливается, с другой стороны, всецелого отождествления с водными просторами не происходит, хотя репрезентация душевных метаний лирического героя через окружающий пейзаж характерна для поэзии символизма:

И с каждой песней все слышней
В моих словах – волна.

Волна стозвучная того,
 Чем полон Океан,
 Где все – и юно, и мертво,
 Все правда и обман.
 И я, как дух волны морской,
 Среди людей брожу (Бальмонт, 2010, с. 257);
 В мире широком, в море шумящем
 Мы – гребень встающей волны (Брюсов, 1973, с. 230).

Море у Д. Хетагурова (1961) – своеобразный чуткий и чувствительный титанический организм: «...фæллад риуаей, хуртæ 'мæ маейтæ уал калы, / <...> Айдаæнау алаегъз йæ ирддæстгом диссагæн ныр» (с. 39). / «...усталой грудью разливает солнца и луны / <...> просветленное лицо разгладилось как зеркало». Наделение водной стихии антропоморфными качествами (молчаливость, усталость) – это попытка приблизиться к ней в тождественности проявлений, стремление подняться до одного уровня ощущений. Человеческими эмоциями объясняются морские перемены: от безмолвного спокойствия до безумства битвы, когда волны взбивают пространство в хаотичном движении: «Арф-арфид денджыз та тарбынаей кълутæ фæтондзæн кæрдихаей, / Уромæг нал уыдзæн уылæнтæн: бæстæ – лæбурд!» (с. 39). / «Глубокое-преглубокое море из темных глубин стены разорвет кусками, / Нет успокоения теперь волнам: мир – это схватка».

Эмоциональность природы – традиционный прием в символизме, где поэт проникает в сердце мироздания магическим словом, находит вокруг себя проявления мятежного характера:

Море кипит и вздымается.
 Волны взбегают упорные,
 Мечутся, дикие, пленные,
 Гибнут в борьбе, непокорные,
 Гаснут, разбитые, пенные (Брюсов, 1973, с. 164).

В стихотворении Хетагурова все противоречивые, гротескные состояния водных просторов – это еще и воплощенная гармония. Ведь противоположности в символизме теряют свою резкую полярность: «...весь мир есть соответствие, строй... основанный на двойственности... сливающейся... во всеобъемлющую симфонию одного “я”, принявшего в себя безграничное разнообразие правого и левого, верха и низа, вышины и пропасти» (Бальмонт, 2018, с. 23). Поэтому душа поэта видит глубже обычного взора, превращая «двойственность в единство» (Бальмонт, 2018, с. 26).

Идеосфера символизма включает в свою орбиту принципы неомифологизма, репрезентируя трансформацию художественного мышления, находя новые значения для уже имеющихся фольклорных сюжетов и образов. Так, у Д. Хетагурова волнения на поверхности воды в шторм ассоциируются с белогривыми лошадьми, с русалками, разминающими пенный войлок, который в стихотворении Хетагурова обретает национальный оттенок. Белый войлок имел широкую коннотацию как в повседневной жизни осетин (изготовление бурок, шляп, одежды), так и в сакральном смысле (амулеты, магические свойства шерсти в сказках, сказаниях). Поэтому, внося подобную аллюзию в текст, автор апеллирует к мифологической составляющей сознания, к первоосновам бытия, соединяя современность и архаику.

В следующих, заключительных трех строфах стихотворения Д. Хетагурова (1961) на первый план выходит внутренний мир лирического героя:

Бонзонгæ, царды уæз фервиты, тыхст æмæ
 ногы уырыдаей,
 Искæй куысты рагъыл рафтыдтой сонтаей мæ тых.
 Бирæ цæмайдæрты рагаей маехи дын ыссардтон
 радыдаей,
 Кусын кæмдæриддæр, размæ нæ хæссын мæ ных.

О, фæлæ, хаттæй-хатт, зæрдыл куы 'рбалæууынц
 уарзон ныхæстæ, –
 Амонды хостæ фæхъары сæ дзурагæн уæд!
 Джихтæ, фæсмонгондаей, байдайын алырдæм
 уайтагъд йæ фæстæ!
 Ме 'уæнгтæ акæлынц, развæнд фесты фыдвæд!

Искæй æнæмæтæй худгæ куы фенай йæ фæнд
 дыраей хъазгæ.
 Искуы мæ хъустыл куы 'рцауы дын амонды кой,
 Рафт-бафт мыл бахæцы, риуы 'мбæрц балæууы ме
 'нæфæразгæ...
 Агурын байдайын... чи ма кæна мын æккой?..
 (с. 39-40).

Скромно тяжесть жизни проживаю, встревожен-
 ным и к тому же невзрачным,
 На чужой работе горбятся, глупо свои силы рас-
 тратил.
 С давних пор в чем-то себя находил ошибочно,
 Работаю везде, где можно, никуда не сую свой лоб.

Все так, но время от времени, когда вспоминаю
 слова любви, –
 Преисполняюсь пожеланиями счастья тогда гово-
 рящему их!
 Опомнившись, раскаявшийся начинаю метаться
 тотчас же вслед!
 Мои руки рассыпаются, будучи путеводными, те-
 перь они обернулись приносящими несчастье!

Если вижу кого-то беспечно смеющегося, играю-
 щего на фандыре,
 Если когда-нибудь до моих ушей доносится молва
 о счастье,
 Начинаю метаться, в груди равномерно подсту-
 пает моя немощь...
 Начинаю искать... кто бы еще подставил мне
 плечо?..

Следуя логике символизма, ожидаемо было проявление и соответствующей личности – уникальной, «тайнотворца» жизни, выходящего за пределы традиционного сознания, эгоцентрика, способного постигать суть всего сущего.

Совсем иной человек предстает в стихотворении Д. Хетагурова – слабый, маленький, жалующийся, потерянный, одинокий, занятый будничными проблемами, вечно неудовлетворенный. Подобный герой свойственен всей поэзии раннего периода творчества Хетагурова (1961) (до 1920-х годов):

Хин, фыдбылыз – маен æдзухдæр!
Домынц ма ма низтæ...
Нал фæразы ныр ма къух дæр
Бабæттын куыристæ!

Бонджын адæммæ фыргуыстæй
Байсысты ма тых дæр.
Гъе уæддæр сæ дзырд – рæхуыстæй;
Фидынмæ – хъæддыхдæр! <...>
Æз рæссугъд фынмæ фæбæллын –
Уый фæввæйы искæй!
Ноджы ма маестæй фæмæлын
Иу дæлфæдты, искуы (с. 58).

Козни, беды – всегда мои!
Изнуряют меня мои болезни...
Даже моя рука теперь не в состоянии
Связать сноп!

Непосильной тяжкой работой на богатых людей
Истожились мои силы также.
Эх, даже их слова – колкости;
Платить зарплату – упертые. <...>
Я устремляюсь к красивому сну –
А он становится чьим-то!
Еще со зла умираю
Где-нибудь под ногами.

Слабость – нетипичная черта характера лирического героя поэзии символизма, но нередко встречается, например, в творчестве Ф. Сологуба (2003). Однако в силу юмора, сарказма, присущего автору, немощь поэтического «Я» высмеивается, создается дистанция, уходит надрыв и вместо горечи появляется меланхолическая улыбка:

И я, как прежде, жалкий раб,
Как из моих собратьев каждый,
Всё так же бледен, тих и слаб,
Всё тою же томлюсь я жаждой.

Мечтать о дивных чудесах
Хочу, как встарь, – и не мечтаю,
И в равнодушных небесах
Пророчеств новых не читаю (с. 499);
Всё было беспокойно и стройно, как всегда,
И чванилися горы, и плакала вода, <...>
И я, как прежде, думал, что я – большой поэт,
Что миру будет явлен мой незакатный свет (с. 359).

Герой лирики Ф. Сологуба может взглянуть на себя со стороны, тогда как у Д. Хетагурова репрезентируется личность, обессилевшая под грузом земной жизни, всецело поглощенная своими страданиями. Бесконечная жалоба, исходящая из самого нутра, проходит лейтмотивом, рефреном сквозь все тексты Хетагурова, тем самым герой как бы мельчает, теряет себя, как и в поэзии экспрессионизма, где деформация мира реального и внутреннего предстает в дегероизации, растворении авторского «Я».

Для экспрессионизма остро стоял вопрос очуждения и отчуждения, человек терялся не только в колоссальном темпе развития НТР, но и в социальных, политических, религиозных проблемах. По словам одного из основателей дадаизма Г. Балля (2001), «Бог умер. Мир рухнул. <...> Рушится тысячелетняя культура. Нет ни столбов, ни опор, ни фундаментов, которые не были бы разрушены. Церкви превратились в воздушные замки. <...> Человек утерял свой небесный облик, стал материей, случайностью» (с. 116-117). Именно такое обезличивание стало одной из характерных черт психологии экспрессиониста: «К концу XIX – началу XX века ощущение чужести во всей диалектике субъектно-объектных отношений принимает глобальный характер. <...> отчуждение становится для литературы онтологически необходимым состоянием. Я перестает быть хозяином в мире» (Пестова, 2010, с. 134).

Проявление экспрессионизма в осетинской литературе можно отметить лишь в отдельных стихотворениях авторов, не принадлежавших к этому течению модернизма, ведь сходные мироощущения господствовали в умах людей искусства в целом. Так и в русской культуре образования самостоятельного направления также не произошло, хотя элементы идеологии экспрессионизма можно обнаружить в творчестве Л. Н. Андреева, В. И. Нарбута, М. А. Зенкевича, И. В. Соколова. Если для немецкого экспрессионизма ужас, изменивший реальность и суть человека, его психику, заключался в реалиях Первой мировой войны и в ее последствиях, то для России преобразующей все вокруг силой явилась Революция 1917 года и последующая Гражданская война. Само время диктовало актуальность эстетики отчаяния, страха и изломанности. Деформировалось сознание индивида, ощутившего свою ничтожность и слабость, которую он сделал искусством. Как писал в черновых тетрадах один из ярчайших представителей экспрессионизма в литературе – Франц Кафка (2003): «На ручке трости Бальзака: “Я ломаю все преграды”. На моей: “Все преграды ломают меня”. Общее – это слово

“все”» (с. 128). Это высказывание служит неким жизненным кредо каждого экспрессиониста независимо от границ и национальности. Именно подобные чувства владеют душой лирического героя Д. Хетагурова (1961) – он сломленный, маленький, живущий в прошлом, incapable сохранить и удержать рядом с собой ни дружбы, ни любви:

О, фæлæ, хаттæй-хатт, зæрдыл куы 'рбалæууынц
уарзон ныхæстæ, –
Амонды хостæ фæхъары сæ дзурагæн уæд!
Джихтæ, фæсмонгондæй, байдайын алырдæм
уйтагъд йæ фæстæ!
Ме 'уæнгтæ акæлынц, развæнд фесты фыдвæд!
(с. 40).

Все так, но время от времени, когда вспоминаю
слова любви, –
Преисполняюсь пожеланиями счастья тогда гово-
рящему их!
Опомнившись, раскаявшийся начинаю метаться
точас же вслед!
Мои руки рассыпаются, будучи путеводными, те-
перь они обернулись приносящими несчастье!

Лирический субъект Д. Хетагурова потерян сам в себе, в своих рефлексиях и переживаниях, он не у дел везде, во всех сферах существования. Как и в экспрессионизме, где отчуждение «между индивидуумом, с одной стороны, и обществом, отдельным человеком, природой, Богом, самим собой – с другой» (Пестова, 2010, с. 79), становится тотальным.

Стихотворение написано в 1915 году, за два года до Революции 1917 года. Время накануне было не менее трудным, чем сам год переворота и последующих изменений и словов: «...в сознании людей резко возросло ощущение нестабильности, текучести, аномальности происходящего, иначе... осознавалась относительность времени» (Терехина, 2009, с. 19). Настроения неуверенности в будущем, страх перед ним господствовали в умах как Европы, так и России. И Осетия не была исключением. Осознавая себя каплей в море, герой Д. Хетагурова не ощущал тем самым связь с чем-то великим, не чувствовал себя его значимой частью, как в символизме: «...человек видит себя в Мире, и весь Мир – отображенным – находит в себе» (Бальмонт, 2018, с. 50). Двойственность как единство позиционировалась в символизме, и двойственность как разобщенность культивировалась в экспрессионизме, где «с одной стороны, надо изжить “эгоизм индивидуума” и подавить в себе индивидуальность, а с другой – возвыситься над толпой и противопоставить себя ей» (Топоров, 1990, с. 12), что вносило раскол в сознание и характер человека, отсюда его отличие в повышенной «чувствительности и ранимости» (Пестова, 2010, с. 135).

Лирический герой Д. Хетагурова (1961) констатирует свою немощь, зависимость от сиюминутных потребностей и неспособность наслаждаться полноценной жизнью:

Искæй æнæмæтæй худгæ куы фенай йæ фæндырæй
хъызгæ.
Искуы мæ хъустыл куы 'рцæуы дын амонды кой,
Рафт-бафт мыл бахæцы, риуы 'мбæрц балæууы ме
'нæфæразгæ...
Агурын байдайын... чи ма кæна мын æккой?..
(с. 40).

Если вижу кого-то беспечно смеющегося, играю-
щего на фандыре,
Если когда-нибудь до моих ушей доносится молва
о счастье,
Начинаю метаться, в груди равномерно подсту-
пает моя немощь...
Начинаю искать... кто бы еще подставил мне
плечо?..

Чужая радость, счастье напоминают о бессилии и бесконечном одиночестве. Герой в последней строке полон тщетных поисков помощника, того, кто разделит с ним тяготы бытия, того, кто подставит плечо. Это жалобы маленького человека, покинутого всеми. Ощущение потерянности, брошенности – сходное для многих поэтов-экспрессионистов, как классических – немецких: «Кто-то оставил тебя на распутье, и ты долго смотришь назад» (Трактль, 1996, с. 193), так и русских: «А небеса стеклом сквозят... / И грустно-грустно почему-то... / Не то я потерял кого-то, / кто дорог был душе моей, / не то – в глуши родных полей / меня баюкает дремота...» (Нарбут, 1990, с. 135).

Следует отметить, что экспрессионизм не проявился в первой части стихотворения, в воспевании водной стихии. Связано это с тем, что в эстетике экспрессионизма репрезентируется пропасть между человеком и природой, которая не восхищает, а пугает, она деформирована глазом смотрящего и полна отталкивающего физиологизма:

Серп месяца вспорол утробу мрака (Гейм, 1990, с. 17);
Лес в злобе ошестинился колючими соснами <...>
Запад с большим румянцем чахоточного (Соколов, 2017, с. 16);
Небо благодарность восприняло втуне: <...>
и облака под ним повиснули, как слюни (Нарбут, 1990, с. 94);
Луна, как голова, с которой
кровавый скальп содрал закат... (Нарбут, 1990, с. 100);
Уж земля в горниле трубном плавится,
Мрет скотина и хлеба не родятся,
Только небо зорями кровавится,
Да росой плачет Богородица (Зенкевич, 1994, с. 72).

Окружающий мир в лирике экспрессионизма – живой, пульсирующий организм, воссозданный при помощи ярких, антропоморфных метафор. Красота природы для символистов – это вечность и трансцендентность, для экспрессионистов – уродство и непостижимая чуждость.

В стихотворении Д. Хетагурова море подобно зеркалу, в котором отражается небо, лик Бога – самостоятельные и постоянные сферы воды и эфира. Вечная стихия противопоставлена мелкому человеку, а то единственное, что его роднит с морем, – изменчивость проявлений: он тоже мечется от грусти к сомнениям, от радости к горю, но его крайности мизерные по сравнению с гордыми состояниями водных просторов.

Заключение

Таким образом, приходим к следующим выводам. Стихотворение Д. Б. Хетагурова «Похожее на небо» представляет эстетику двух противоположных течений модернизма – символизма и экспрессионизма. От символизма в тексте – восхищение могучей переменчивой, двойственной стихией, уподобление ее человеку с его эмоциями и проживаниями, визуализация через мифологические образы (конные армии, русалки). Автор оживляет водную стихию, соединяя архаическое сознание и современное, также вносит и национальный элемент в поэтику произведения (белый войлок).

Влияние экспрессионизма прослеживается во второй части стихотворения в образе лирического героя – слабого, потерянного, живущего обидами, воспоминаниями прошлого, лишённого надежды, погрязшего в рутине жизни – характеристика личности, актуальной для мировосприятия экспрессионистов.

Гротескные противопоставления вплетены в идеосферу текста (мощь и бессилие, вечное-преходящее, гордость-убожество), констатируют не только ощущение самого автора накануне великих событий (Революция 1917 года, Гражданская война), но и смутное диффузное состояние всей культуры как в России, так и в Осетии, когда смешение происходит во всех сферах жизнедеятельности человека и в искусстве в целом. Бинарность как единство и движущая сила творчества позиционировалась в символизме, для экспрессионизма она, напротив, воплощает разобщенность, надлом, разрыв между привычными связями вещей и надкол в сознании. Стихотворение строится на двойственности эксплицитной (две части по три строфы каждая: море/человек) и имплицитной (глубина водная и подсознание человека, мощь природная и немощь людская). Произведение Д. Хетагурова – это своеобразное зеркало, отражающее актуальные идеи модернистского времени, в произведении представлены идеи и символизма, и экспрессионизма, поскольку сама реальность начала XX века диктовала их равнозначность в эпоху глобальных поисков и свершений.

Перспективы исследования строятся на дальнейшем изучении поэтики модернизма в осетинской лирике начала XX века с точки зрения межлитературных связей и влияний.

Источники | References

1. Балль Г. Кандинский // Дадаизм в Цюрихе, Берлине, Ганновере и Кёльне / отв. ред. К. Шуман; пер. с нем. С. К. Дмитриева. М.: Республика, 2001.
2. Бальмонт К. Д. Поэзия как волшебство. М.: РИПОЛ-Классик, 2018.
3. Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Книгозек, 2010. Т. 1.
4. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: в 7-ми т. / под общ. ред. П. Г. Антокольского. М.: Художественная литература, 1973. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 1892-1909.
5. Гейм. Г. Где только что шумели карусели / пер. с нем. В. Топорова // Сумерки человечества: лирика немецкого экспрессионизма / сост. В. Л. Топоров, А. К. Славинская. М.: Московский рабочий, 1990.
6. Зенкевич М. А. Сказочная эра: стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М.: Школа-Пресс, 1994.
7. Кафка Ф. Неизвестный Кафка. Рабочие тетради. Письма / пер. с нем. Г. Ноткина. СПб.: Академический Проект, 2003.
8. Колобаева Л. Н. Русский символизм. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2017.
9. Нарбут В. И. Стихотворения. М.: Современник, 1990.
10. Пестова Н. В. Лирика немецкого экспрессионизма. Профили чужести. Екатеринбург: Изд-во Урал. пед. ун-та, 2010.
11. Соколов И. В. Бунт экспрессиониста. Стихи и манифесты / сост. и прим. А. Шермана. Б.м.: Salamandra. P. V. V., 2017.
12. Сологуб Ф. К. Собрание сочинений: в 8-ти т. М.: Интелвак, 2003. Т. 7.
13. Сологуб Ф. К. Собрание сочинений: в 8-ти т. М.: Интелвак, 2004. Т. 8.
14. Терехина В. Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века: генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2009.
15. Топоров В. Л. Поэзия эпохи перемен // Сумерки человечества: лирика немецкого экспрессионизма / сост. В. Л. Топоров, А. К. Славинская. М.: Московский рабочий, 1990.
16. Трахль Г. Превращения зала (2-я редакция) / пер. с нем. Н. Большева // Трахль Г. Стихотворения. Проза. Письма. СПб.: Symposium, 1996.
17. Хетагуров Д. Б. Нагорный луг (стихи на осетинском языке). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1961.
18. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990.

Информация об авторах | Author information**RU****Хетагурова Дзерасса Казбековна¹**, к. филол. н.¹ Владикавказский научный центр Российской академии наук**EN****Khetagurova Dzerassa Kazbekovna¹**, PhD¹ Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences¹ dze-khe@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 31.05.2022; опубликовано (published): 29.07.2022.

Ключевые слова (keywords): символизм; экспрессионизм; пейзажная лирика; лирический герой; Д. Б. Хетагуров; symbolism; expressionism; landscape lyrics; lyrical hero; D. B. Khetagurov.